

Марина Федагина

Тонкая нить

Марина Федагина

Тонкая нить

«Автор»

2026

Федагина М. А.

Тонкая нить / М. А. Федагина — «Автор», 2026

Что, если ваша судьба записана не в звёздах, а в клетках вашего тела? Генетик Екатерина Валерьевна знает о ДНК всё. Но она не знает, как справиться с собственным даром — быть высокочувствительным человеком в мире, где эмоции других людей становятся невыносимым грузом. Когда к ней обращается пара с семейной историей митохондриальной кардиомиопатии, Катя берётся за их случай. ПГТ-М, анализ эмбрионов, надежда на здоровый ребёнок. Но наука не даёт гарантий. Что делать, когда генетика становится приговором? Это роман не только о генетике. Это история о том, как сложно оставаться человеком, когда ты видишь чужую боль острее, чем свою. О цене правды. О выборе между профессиональным долгом и эмоциональным выгоранием. «Тонкая нить» — научный роман о том, что мы передаём дальше. И о том, можно ли разорвать цепь наследственности, когда каждая клетка помнит историю твоей семьи.

© Федагина М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звонок	5
Глава 2. Консультация	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Марина Федагина

Тонкая нить

Глава 1. Звонок

Мягкое кожаное кресло приняло её вес, как принимало каждый день уже много лет. Оно знало все её позы, когда она склонялась над микроскопом, когда откидывалась с закрытыми глазами, когда сидела вот так — уставившись в никуда или читая записи.

Взгляд скользил по стене, но не видел её. За стеной была лаборатория, за лабораторией коридор, за коридором кабинет Льва Николаевича. Там шла жизнь. Там были люди, диагнозы, решения.

А здесь была тишина. Она успокаивала.

Катя сидела неподвижно. В груди пустота, в голове пульсировал вопрос:

«Что дальше?»

Она не нашла ответа вчера. Не нашла сегодня. Не находила уже несколько месяцев.

«Зачем всё это?»

Вопрос повис в воздухе. Она не произнесла его вслух. Не записала. Просто позволила ему существовать, как фоновому шуму, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать.

Но он был. Всегда. Не давал ей покоя с 15 лет.

Она протянула руку к журналу на столе. Бумага была прохладной, чуть шершавой на ощупь. Страницы зашелестели, когда она перевернула их механически, не читая. Цифры, даты, фамилии — всё сливалось в серую массу.

Звонок разрезал тишину.

Катя вздрогнула. Резкий звук ударил по нервам, будто ток. Она не любила внезапные звуки. Они вырывали из внутреннего ритма, заставляли возвращаться туда, где были люди, голоса, ожидания.

Из телефона прозвучало:

— Екатерина Валерьевна, это Лев Николаевич.

Голос был ровный, привычный. Баритон, который она слышала на совещаниях, на защитах, в коридорах института. Голос, который всегда означал — что-то нужно.

— У меня к вам просьба. Пара в возрасте, нужна консультация. Митохондриальная патология.

Катя поморщилась. Времени не было. Сил тоже. Но слово «митохондрии» повисло в воздухе, зацепилось за что-то внутри. Несколько лет исследований, ночей над микроскопом, тихих вопросов самой себе.

Ей не хотелось. Каждой клеткой она чувствовала сопротивление. Но отказать Льву Николаевичу она не могла. Он был одним из немногих, кто понимал, чем она занимается. Кто не спрашивал: «И что, это кому-то нужно?»

— Завтра, — сказала она тихо. — После обеда.

Она надеялась, что к этому времени закончит очередную серию исследований. И что материал, полученный на консультации, может ей пригодиться.

Она ещё не знала, что эта встреча многое изменит.

Она ещё не знала, что эта пара принесёт не только научный интерес.

Она ещё не знала, что митохондрии — это не только теория.

Это чьи-то жизни.

Она положила телефон. Посидела ещё минуту, глядя на чёрный экран. Затем выключила свет в кабинете.

Коридор встретил её полумраком. Лифт медленно спускался с этажа на этаж, и с каждым метром Катя чувствовала, как напряжение остаётся за дверью лаборатории.

Всё, что было между институтом и домом стёрлось. Дорога, светофоры, голоса в радио. Она не помнила этот путь. Тело вело машину само, пока в голове была пустота.

Ключ в замке резко щелкнул.

Звук отрезал коридор института, голоса, вопросы.

Тишина.

Навстречу вышел Тихон. Кот не мяукал, не требовал — просто сел у ног и начал мурлыкать. Низкий, ровный звук, который заполнял пространство лучше любых слов.

Катя выдохнула. Плечи опустились. Весь шум и суета остались за дверью. Здесь был её мир, в который никто не ворвётся.

Она сняла туфли. Пальцы погрузились в мягкие тапочки — тёплые, податливые. Ещё одно напряжение ушло, растворилось.

Несколько минут она сидела в кресле, гладила кота. Шерсть на ощупь была приятной, шелковистой. Тихон мурлыкал, не спрашивая, почему она задержалась, почему взгляд уставший, почему молчит.

Коты не задают вопросов.

Потом она встала, разложила продукты, которые купила по дороге. Механически, не думая. Руки делали своё дело, мысли улетучились.

Ванна.

Вода была горячей, почти обжигающей. Она стояла под струями, позволяя им смывать не только усталость, но и чужие истории, чужие глаза, чужие голоса.

Махровый халат обнял тело после душа. Ткань была приятной, согревающей.

Она пошла на кухню готовить ужин. Кормить Тихона. Возвращаться в ритм простого, понятного, контролируемого.

Дома она старалась не думать о том, что произошло днём. Тихон успокаивал. Тишина помогала.

Но вопрос всплыл вновь.

«Что дальше?»

Он висел в воздухе, в паре после душа, в тишине квартиры.

Ответ не приходил.

Глава 2. Консультация

Дверь открылась без стука.

Первым вошёл мужчина. Уверенно, словно к себе домой. Плечи расправлены, взгляд прямой, рука на ручке двери — хозяин положения.

За ним вошла женщина. Голова опущена, взгляд в пол, пальцы сжимали ручку сумки так, что костяшки побелели.

Катя хотела встать навстречу. Профессиональное приветствие, улыбка. Но то, как мужчина переступил порог, остановило её.

Она осталась сидеть.

Стол между ними создавал барьер. Защита.

— Екатерина Валерьевна? — голос мужчины был громким, заполнил кабинет сразу. — Нам сказали, вы лучший специалист. Поможете нам.

Эти фразы прозвучали как требование.

Катя почувствовала, как внутри сжалось что-то. Неприятие поднялось от желудка к горлу. Она видела таких. Тех, кто приходит не за помощью, а за результатом. Как в магазин: заплатил, получил, ушёл.

Но она кивнула.

— Садитесь.

Мужчина сел первым, занял кресло ближе к столу. Женщина села рядом, чуть позади, словно боялась занять лишнее место в пространстве.

— У нас куча анализов, — мужчина кивнул на сумку жены. — Мы уже были у генетиков. Трое. Никто не дал шансов.

Катя перевела взгляд на женщину.

— Покажите.

Женщина подняла глаза. На секунду их взгляды встретились. В глубине зрачков притаился страх. И ещё что-то. Надежда? Или мольба?

Трясущимися руками она достала папку. Положила на стол. Страницы шелестели, когда она перебирала их. Выписки, заключения, результаты секвенирования.

Кардиомиопатия. Неясная этиология. Первый ребёнок умер в два года.

Одиннадцать лет назад.

Катя читала медленно. Цифры плавали перед глазами. 2013 год — тогда не смогли определить причину. Просто: сердечная недостаточность. Просто: не дожил.

— В её роду умирали дети, — сказал мужчина. Голос был тише, но в нём прорвалось что-то ещё. — Сестра матери. Две дочери другой сестры. Все в разном возрасте. У всех причина сердечная недостаточность.

Женщина не подняла головы.

— Бабка говорила, что в роду проклятие, — мужчина усмехнулся. Звук был сухим, без радости. — Говорила, что в девятнадцатом веке какая-то прабабка пошла против церкви. Или против мужа. Не помню уже. — Он махнул рукой. — В общем, наказание на род. Женщины рожают, дети умирают. Нить обрывается.

Катя почувствовала, как по спине пробежал холод.

Нить.

Она отложила документы. Посмотрела на мужчину.

— Вы не верите в проклятия?

— Нет. — Он ответил слишком быстро. — Это всё... бабкины сказки. Мы пришли к вам за наукой.

Но Катя видела: он не до конца уверен. Одиннадцать лет без ответа и любая сказка начинает казаться правдой.

Она повернулась к женщине.

— А вы?

Женщина подняла глаза. В них было что-то такое, от чего у Кати сжалось сердце.

— Я не знаю, — голос был тихим, почти шёпотом. — Когда теряешь ребёнка... начинаешь верить во всё. И в проклятия тоже.

Пауза повисла в воздухе. Тяжёлая, густая.

Катя чувствовала это. ВЧЛ-рецепторы ловили каждый оттенок. Вина. Страх. Одиннадцать лет жизни с мыслью: «Это я. Это моя кровь. Это моё наказание».

— Митохондрии, — сказала Катя тихо.

Мужчина наклонился вперёд.

— Что?

— Третий генетик был прав. Это может быть митохондриальная патология. Передаётся только от матери. Поэтому в вашем роду умирали только дети женщин. Не мужчин.

Она видела, как женщина побледнела. Как пальцы снова сжали сумку.

— Это... проклятие? — спросила она.

— Нет. — Катя говорила твёрдо. — Это наука. Митохондрии — это не магия. Это клеточные структуры. Они ломаются. Это случается. И это не наказание.

Слово «наказание» повисло в воздухе.

Женщина выдохнула. Впервые за всю консультацию. Словно кто-то снял с неё груз, который она несла одиннадцать лет.

Мужчина молчал. Смотрел на жену.

— Мы хотим ребёнка, — сказал он. Голос был другим. Тише. — Скажите, какие риски.

Катя читала документы ещё раз. Цифры плавали перед глазами. Гетероплазмия — если подтвердится — это лотерея. Каждая яйцеклетка несёт свой процент. Можно получить 20%. Можно 90%. Предсказать нельзя.

Она подняла голову. Посмотрела на мужчину.

— Вы понимаете, что гарантировать здорового ребёнка я не могу?

Молчание.

Мужчина сжал челюсти. Катя видела, как ходят желваки. Он не привык слышать «не могу». Он пришёл за решением. За волшебной таблеткой.

— Но вы же специалист, — в голосе прорвалось раздражение. — Вы должны знать.

— Я знаю, что митохондрии передаются от матери. Я знаю, что риск есть всегда. Я знаю, что у вашей жены в роду были смерти. — Катя говорила ровно, без эмоций. — Но я не знаю, какой процент мутации будет в конкретной яйцеклетке. Никто не знает.

Пауза повисла в воздухе. Тяжёлая, густая.

Мужчина молчал. Впервые с тех пор, как вошёл.

Катя повернулась к женщине.

Ей было трудно смотреть в глаза. ВЧЛ-рефлекторное желание отвести взгляд, защититься, не брать чужую боль. Но она понимала: только так. Только через контакт. Только прямо.

Она наклонилась вперёд. Через стол. Через барьер.

— Вы готовы к риску?

Женщина подняла глаза.

— Вы понимаете, что есть только маленький процент того, что ваш ребёнок будет здоров?

Тишина.

Мужчина смотрел на жену. Катя смотрела на жену.

— Я не хочу, чтобы мой ребёнок мучался.

Голос был тихим. Но твёрдым. Без дрожи.

Катя почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Это не страх был. Защита. Материнская. Та, что сильнее вины. Сильнее горя. Сильнее одиннадцати лет молчания. Сильнее проклятий.

Она перевела взгляд на мужчину.

— Что вы будете делать, если ребёнок родится больным?

Вопрос повис в воздухе.

Мужчина открыл рот. Закрыл. Посмотрел на жену в ожидании ответа. Впервые за всю консультацию. Впервые, кажется, за все одиннадцать лет.

Катя видела, как в его взгляде что-то изменилось. Уверенность, с которой он вошёл. Давление, с которым он говорил. Всё это рассыпалось в одну секунду.

Он не знал ответа.

— Я назначу вам анализы, — Катя откинулась на спинку кресла. Усталость накрыла волной. — Но сначала нужно понять, с чем мы работаем.

Она взяла ручку. Написала направления. Рука двигалась механически, буквы плыли.

— ЭКО, — сказала она, не поднимая глаз. — Получим несколько яйцеклеток. В каждой — свой процент мутации. Это лотерея. Одна может иметь восемьдесят процентов, другая — пятнадцать.

Катя подняла голову. Посмотрела на женщину.

— Мы сделаем биопсию. Измерим гетероплазмию. Выберем те, где процент мутации ниже порога. Обычно — меньше восемнадцати-двадцати. Только их подсадим.

Пауза.

— Но я должна сказать вам правду. — Голос Кати был ровным, без прикрас. — В вашем возрасте яйцеклеток будет немного. Может быть, одна-две подойдут. Может, ни одной. Я не могу гарантировать, что вообще получится найти здоровую.

Мужчина подался вперёд.

— А если не получится?

Катя посмотрела ему в глаза. Впервые за всю консультацию.

— Тогда будем думать дальше. Донорские яйцеклетки. Или... — она не закончила.

Или принять, что второго ребёнка не будет.

Она не сказала этого вслух. Но они поняли.

— Когда будете готовы — приходите, — Катя положила направления на стол. — Но помните: даже с анализами я не дам гарантий. Это не волшебство. Это наука. У неё есть границы.

Мужчина встал. Молча.

Женщина поднялась следом. На секунду задержала взгляд на Кате.

— Спасибо.

Не за анализы. Не за надежду.

За то, что её услышали. За то, что сказали: это не проклятие.

Они вышли. Дверь закрылась тихо.

Катя встала. Подошла к окну.

Внизу, у выхода из института, они появились через минуту. Мужчина шёл первым, быстрым шагом. Женщина отстала, шла немного покачиваясь.

Она смотрела им в спину.

Думала о судьбе этой женщины. О тех, кто был до неё. Матери, бабушки, прабабушки — все носили в себе эту нить. Все передавали дальше. Все теряли детей.

Одиннадцать лет тишины.

Одиннадцать лет вины.

Одиннадцать лет жизни с мыслью: «Это проклятие. Это наказание. Это я».

И одно «я не хочу, чтобы мой ребёнок мучался», которое прозвучало как приговор и как освобождение одновременно.

Катя приложила ладонь к стеклу. Холодное, гладкое.

Она чувствовала их боль как свою. ВЧЛ-проклятие: не было границы между «я» и «они».

Чужое горе просачивалось под кожу, оседало в груди, оставалось там.

Где-то в коридоре хлопнула дверь. Чьи-то шаги. Голоса.

Жизнь продолжалась.

А в кабинете осталась тишина. И папка с документами на столе. И вопрос, на который нет ответа.

Что дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.